

О ВОЙНЕ — ДЕТЯМ

III

Милая Ма-
ря! Я жив!
Дорог. Кормят
хорошо. Железо
теплая. Стоим
здеш. Обо мне не
беспокойся. Мы
здесь отдохнем
Крепко отды-
шав и крепко-
крепко цени
твой
Борис

АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

ПИСЬМО С ФРОНТА

• РАССКАЗЫ •

ЗЕМЛЯНКА

Всю ночь артиллерийский дивизион мчался по шоссе к фронту. Было морозно. Луна освещала редкие лесочки и поля по краям дороги. Снежная пыль клубилась за автомобилями, оседала на бортах, покрывала наростами чехлы пушек. Солдаты, дремавшие в кузове под брезентом, прятали лица в колючие воротники шинелей, прижимались плотнее друг к другу.

В одном автомобиле ехал солдат Митя Корнев. Ему было восемнадцать лет, и он ещё не видел фронта. Это непростое дело: днём быть в тёплой городской казарме далеко от войны, а ночью оказаться на фронте среди морозных снегов.

Ночь выдалась тихая: не стреляли пушки, не взрывались снаряды, не горели ракеты в небе.

Поэтому Митя не думал о сражениях. А думал он о том, как могут люди всю зиму

вал большие заледеневшие куски. Под этими кусками, как мякиш под жёсткой коркой, был рыхлый песок.

Старшина ходил и глядел, всё ли делается правильно.

— Не кидай песок далеко, — сказал он Мите Корневу, — пролетит фашистский разведчик, увидит в белом лесу жёлтые квадраты, вызовет по радио бомбардировщиков...

Когда широкая и длинная яма стала Мите по пояс, в середине прокопали канаву — проход. По обе стороны от прохода получились нары. У краёв поставили столбы, на них прибили бревно. Вместе с другими солдатами Митя рубил жёрдочки. Их клали одним концом на бревно, другим на землю — так же, как делают шалаш. Потом их закидали еловыми ветками, на ветки положили мёрзлые земляные глыбы, засыпали песком и для маскировки припорошили снегом.

— Иди за дровами, — сказал старшина Мите Корневу, — наготовь побольше. Чуешь, мороз крепчает! Да руби только ольху и берёзу — они и сырые хорошо горят...

Митя рубил дрова, а его товарищи в это время застелили нары мелкими еловыми ветками, прикатали в землянку железную бочку. В бочке было две дыры — одна снизу,

САМОВАР

Всю зиму шли упорные бои. И наконец, ближе к весне, фашисты не выдержали, отступили.

Митя Корнев толком ещё не знал, что происходит. Он с удивлением и радостью смотрел, как в сторону вражеских позиций устремились наши солдаты. Бежали пехотинцы, сапёры, связисты с катушками. По следу, умятому танками, заторопились сани с боеприпасами, полевые кухни. В несколько минут обжитые за зиму траншеи, землянки и блиндажи опустели. Только Митин дивизион оставался на месте: орудия били вдогонку фашистам.

Но вот и они кончили стрелять. Из укрытий разом выехали автомобили-тягачи. Артиллеристы прицепили к ним орудия, побросали в кузова пожитки, забрались сами. Митя тоже хотел влезть в кузов автомобиля. Но тут подошёл старшина. Он протянул Мите вещевой мешок и сказал:

— Вот тебе, Корнев, продукты. Останешься охранять снаряды. Всё нам не увезти. Дня через три приедем за ними и за тобой.

И дивизион уехал.

Всё произошло так быстро, так неожиданно, что Митя не сразу понял, в каком он оказался положении.

Дверь тонкая... И запора нет...» Мите захотелось вскочить, выстрелить в дверь длинной очередью из автомата. Но он не вскочил, заставил себя лежать. И так, лёжа, дождался других мыслей: о том, что он солдат, бояться ему не полагается. Он не просто ночует в блиндаже, он охраняет склад боеприпасов, и горе тому, кто попытается их взорвать или выкрасть. «Пора на пост!» — сказал себе Митя. После этих слов он встал, поставил автомат на боевой взвод и открыл дверь.

Ночь не была чёрной, как казалось в блиндаже. Она была серая. Слабый свет шёл от снега. В этом сером свете Митя разглядел штабель ящиков со снарядами. Медленным шагом он несколько раз обошёл его и вернулся. «Теперь спать!» — приказал себе Митя. Натянул поглубже шапку, свернулся калачиком, подоткнул полы шинели, чтобы было потеплее. Но в холоде и одиночестве сон никак не шёл. Митя чуточку задремал.

Утром, отогревшись у костра и пожевав сухарей, Митя отправился искать печку. «Иначе замёрзну, — думал он. — Хоть какая-нибудь плохонькая печурочка должна остаться. Столько народу жило всю зиму...»

Митя лазил по блиндажам и землянкам. Много всякой всячины ему попадалось. Он нашёл лампу, сделанную из снарядной

Медь хорошо отчищалась, самовар засиял. В красном самоварном боку Митя увидел своё лицо — с толстенным носом, с приплюснутым лбом и подбородком, с расплывшимися в стороны щеками. Митя подмигнул своему отражению, и рожа на самоваре ответила чудной, весёлой гримасой.

«Ничего, жить можно!» — подумал Митя.

В блиндаже с самоваром стало уютно, а когда Митя разжёл его, пошло тепло. И уж совсем согрелся Митя после чая. Напиться вдоволь настоящего самоварного чая — на войне такое не каждому удаётся! Прохаживаясь у снарядов, Митя всё поглядывал на блиндаж, на трубу, из которой поднимался сизый дымок. Ночью дыма не стало видно. Зато стали видны искорки, они летели вверх красными мошками.

И на следующую ночь Митя тоже долго не засыпал, тоже думал. Но мысли были спокойные, не тревожные, не страшные. Он представил себе людей, которые в мирное время сидели за самоваром. Наверное, это была большая семья. Мать с отцом, дети, бабушка с дедушкой. На столе у них стояли всякие вкусные вещи: баранки, лепёшки, варенье, конфеты... И над этой вкуснотой, над чашками и блюдами возвышался самовар. Потом напали фашисты. Хозяин самовара,

